

Д. А. ТАЛИС

**ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ХЕРСОНА
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Изучение истории византийских городов в эпоху раннего средневековья в значительной степени тормозится крайней скудостью и односторонностью письменных источников. Поэтому в исследовании этой проблемы приходится обращаться в первую очередь к памятникам вещественным: археологическим, нумизматическим, эпиграфическим, а также к данным сфрагистики.

Археологические и нумизматические материалы можно привлекать для выяснения вопросов экономического развития при соблюдении двух условий: во-первых, эти материалы, и, во всяком случае те из них, которые характеризуют ведущие отрасли ремесленного производства, должны быть представлены более или менее массовыми находками; во-вторых, эти находки должны быть датированы и документированы с достаточной для исследования степенью точности.

Массовый документированный археологический материал добывается в результате систематических и планомерных раскопок при соблюдении необходимых требований методики исследования. Между тем, подавляющее большинство византийских городов либо вовсе не раскапывалось, либо подвергалось археологическому изучению на незначительных площадях, спорадически и бессистемно.

Что касается некоторых городов, исследовавшихся более полно и тщательно, то публикация материалов из их раскопок оставляет желать лучшего. Как правило, более или менее полно издавались материалы из античных слоев, массовый же материал из верхних, византийских слоев, если исключить монеты и, пожалуй, поливную керамику, почти совершенно не публиковался. Лишь в последние годы в связи с возросшим интересом к истории византийских городов, наметился сдвиг в организации археологических работ и количестве публикуемого материала по истории византийского ремесла и торговли.

Один из очень немногих византийских городов, который подвергался действительно планомерным и систематическим раскопкам, особенно в течение трех последних десятилетий — это Херсон. В результате раскопок был получен разнообразный, массовый, в значительной степени документированный археологический и нумизматический материал, значение которого, таким образом, весьма велико не только для понимания процессов, протекавших в самом Херсоне, но и для изучения византийских городов вообще.

Использование всего круга вещественных памятников наряду, разумеется, с привлечением письменных источников позволяет выявить, пусть

хотя бы в основных чертах, некоторые важнейшие особенности развития Херсона и наметить периодизацию его истории в эпоху раннего средневековья. Этому и посвящена предлагаемая статья.

Проблема общественно-экономического развития Херсона в рассматриваемую эпоху еще совершенно не разработана; в литературе затрагивались лишь в самом общем виде отдельные вопросы экономической истории Херсона и не преследовалась цель выявить общественно-экономическую значимость тех глубоких изменений в жизни города, которые обозначаются сменой одного периода другим. Настоящая статья является первым опытом периодизации истории Херсона в раннее средневековье.

Автор ни в коей мере не опирался в своих построениях на сравнительный материал из других византийских городов, хотя изучение археологических и нумизматических данных, полученных при раскопках этих городов, приводит к выводам, требующим, правда, еще дополнительного обоснования, но принципиально совпадающим с выводами настоящей статьи¹. Сделано это потому, что, как известно, периодизация истории византийских городов в раннее средневековье является ныне предметом существенных разногласий и оживленной дискуссии².

Рассматривая вопросы периодизации истории Херсона в раннее средневековье, следует установить хотя бы некоторые важнейшие вехи, которые обозначают появление каких-то принципиально новых по сравнению с предыдущей, античной, эпохой особенностей в развитии города.

Существующее в настоящее время представление о начале средневековой истории Херсона на рубеже IV и V вв.³, является ошибочным, так как опирается лишь на некоторые данные об изменениях частного характера, аналогичных тем, которые происходили и раньше, и не принимает во внимание всей совокупности фактов. Это представление возникло, собственно, не столько на основании анализа фактического материала, сколько по аналогии с принятой датой начала средневековья в Западной Европе. Нам придется рассмотреть основные явления социально-экономической истории города IV—первой половины VI в. При этом нужно будет прежде всего выяснить, действительно ли в течение этого времени произошло уменьшение производства, сокращение торговли и денежного обращения и наступил общий упадок Херсона либо здесь имели место иные процессы. Очевидно, что для решения этого вопроса решающее значение имеют факты, освещающие производство (ремесленное, сельскохозяйственное, промыслы) и обращение (внутреннюю и внешнюю торговлю, денежное обращение).

Уровень ремесленного производства Херсона рассматриваемого времени явственнее всего устанавливается на основе изделий гончарного ремесла, наиболее полно представленных в археологических материалах. Изучение керамики V—VI вв., как целых комплексов, так и отдельных находок, приводит к следующим заключениям.

Техника изготовления керамических изделий осталась на прежнем уровне. Нет ни малейших данных, которые бы указывали на ухудшение качества выделки сосудов VI в. по сравнению с сосудами IV в.; и те и другие отличаются, как правило, одинаково хорошим тестом, тщательностью

¹ См. А. П. К а ж д а н. Византийские города в VII—X вв. — СА, XXI, 1954; З. В. У д а л ь ц о в а и А. П. К а ж д а н. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, № 10, стр. 88—93.

² Помимо указанных выше статей см. также М. Я. С ю з ю м о в. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗ Свердловского пед. ин-та, вып. 4, 1948, стр. 60; е г о ж е. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. — ВВ, IV, 1951, стр. 13; Е. Э. Л и п ш и ц. К вопросу о городе в Византии. — ВВ, VI, 1953.

³ Г. Д. Б е л о в. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 60.

обжига, тонкостенностью. Формы керамических изделий V—VI вв. зачастую не столько даже аналогичны, сколько тождественны формам предшествовавшего времени, что в совокупности с полностью сохранившейся техникой изготовления сосудов и керамических строительных материалов говорит о непрерывной линии развития ремесла.

Так, все наиболее распространенные типы амфор, бытовавшие в Херсоне в V—VI вв.⁴, возникли в своих главных признаках, определяющих их тип, еще в IV в., а в некоторых случаях даже в конце III в.; являясь дальнейшим развитием типов амфор III—IV вв., они в этот период сосуществовали с ними и перешли в V в. без каких-либо значительных изменений⁵. Правда, в V—VI вв. происходил процесс постепенного вытеснения остродонных амфор амфорами со сферическим дном, но и эта тенденция наблюдалась уже с III в. и уже в IV в. опутито выявилась⁶. Характерная особенность всех раннесредневековых амфор: желобчатость, бороздчатость или рифление корпуса, также является признаком, зародившимся еще в III в. и уже в IV в. широко распространенным⁷.

К совершенно аналогичным выводам приводит рассмотрение и других видов керамической продукции V—VI вв., в частности пифосов и кувшинов, в наиболее существенных чертах сохранивших формы более ранних типов⁸. Чрезвычайно яркий и показательный материал для суждения об уровне ремесла в Херсоне V—VI вв. дает черепица; черепицы составляют значительную часть среди находок на херсонском городище, встречаясь в больших количествах в каждом жилом комплексе⁹. Техника изготовления черепиц этого времени, высокое качество теста и обжига находятся в теснейшей связи с приемами выработки черепиц III—IV вв., выявляя непрерывную линию развития этого производства.

Об отсутствии какого бы то ни было упадка гончарного ремесла в Херсоне V—первой половине VI в. по сравнению с IV в. свидетельствует и факт бытования в широких масштабах краснолаковой керамики поздних типов¹⁰.

⁴ Классификация амфор V—VI вв. и рисунки их даны в статье А. Л. Якобсона «Средневековые амфоры Северного Причерноморья» (СА, XV, 1951, стр. 326—331, рис. 1, 2, 3).

⁵ Датировка определяется сопровождающим материалом, монетами и стратиграфической ситуацией нахождения этих амфор не только в Херсоне, но и на многочисленных городищах Северного и Западного Причерноморья (В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. — МИА, 25, 1952, стр. 95—96, рис. 114, 1, 2, 3; стр. 120, рис. 149, 1, 2; стр. 113, рис. 138; е г о ж е. Античные керамические обжигательные печи. — ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 32, 33, 47, 85; Dacia, III—IV, Bucarest, 1933, стр. 471, рис. 66).

⁶ Это устанавливается на основании хорошо датированных комплексов IV в. из боспорских городищ (см. В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Ук. соч., стр. 121—122, рис. 150, 1) и Западного Причерноморья (D. T u d o r. Sucidava, I. — Dacia, V—VI, Bucarest, 1938, стр. 409, рис. 13, 18, 19; стр. 419, рис. 19, 3, 4. См. также Dacia, III—IV, стр. 434, рис. 53; стр. 470, рис. 62).

⁷ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Ук. соч., стр. 96, рис. 114, 12, 3; стр. 113, рис. 138; стр. 121, рис. 150; стр. 100; Th. S a u c i u s - S a v e a n u. Callatis. — Dacia, II, Bucarest, 1925, стр. 134—135, рис. 55, 2—7.

⁸ Кувшины V—VI вв. отличаются от бытовавших в III в., главным образом, способом крепления ручки (к венчику или, что реже, чуть пониже его), отсутствием кольцевого поддона и заметной тенденцией к увеличению общей приземистости форм. Но эти отличительные особенности вполне сформировались к середине IV в. (см., например, Г. Д. Б е л о в. Отчет о раскопках в Херсоне в 1947—1948 гг. — МИА, 34, 1953, стр. 180, рис. 30; В. Д. Б л а в а т с к и й. Харакс. — МИА, 19, 1951, стр. 273, рис. 13, 7; стр. 275, рис. 14, 3).

⁹ Этот вид керамического производства подвергнут тщательному всестороннему анализу А. Л. Якобсоном («Средневековый Херсонес». — МИА, 17, 1950, стр. 117—153).

¹⁰ Поздние образцы краснолаковой керамики представлены в Херсоне, главным образом, блюдами и тарелками, в меньшем количестве кувшинами и светильниками.

Все это вместе взятое позволяет нам, учитывая не изменившееся численное соотношение находок изделий гончарного производства в слоях IV—VI вв. по сравнению с предыдущим временем, прийти к выводу об отсутствии сокращения гончарного производства в Херсоне V—первой половины VI в. Массовое изготовление однотипной гончарной продукции уже само по себе устраняет предположение о том, что она производилась на заказ. О производстве на широкий, не только внутренний, но и внешний рынок свидетельствует наличие херсонской керамики в значительных количествах вне Херсона (в Эски-Кермене, Мангупе¹¹), а черепицы — не только во многих поселениях Крыма, но и на Тамани, в значительном отдалении от центра производства.

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к заключению, что керамическое производство Херсона, т. е. наиболее массовое производство, развитие которого более всего показательно для суждения о состоянии ремесел в городе вообще, сохраняет в V—первой половине VI в. ремесленный и притом товарный характер¹².

Из изделий других ремесел среди имеющихся археологических материалов относительно лучше представлена продукция кузнечно-слесарного, бронзо-литейного и бронзо-ювелирного. Изготовление этой продукции в массовых количествах и широкое ее распространение также указывают весьма определенно на сохранение товарного характера этих ремесел. Здесь следует прежде всего назвать бронзовые украшения и принадлежности христианского культа; фибулы и пряжки херсонского производства IV—VI вв.¹³ в значительной степени однообразны и весьма многочисленны. В связи с особой ролью Херсона, как проводника христианизации окружающих народов и племен, важное значение в его металлообрабатывающем ремесле имело производство предметов культового назначения и церковной утвари. При раскопках найдены рассчитанные на массовое производство жесткие литейные формы, в которых отливались некоторые виды бронзовых украшений, иконки, кресты¹⁴.

Типологическая общность (проявляющаяся в профилировке, технике выполнения и декоративных клеймах, которыми снабжены многие образцы) краснолаковой керамики Херсона рассматриваемого времени и такой же керамики из восточнотурецких областей позволяет включить типы херсонской краснолаковой керамики в общую схему развития позднеармянской краснолаковой керамики, разработанную Ф. Вааге (F. O. Waage). The Roman and Byzantine pottery. — *Hesperia*, II, 1933), которую следует принять с некоторыми поправками Вестгольма и Комфорта (A. Westholm. The temples of Soli. — *The Swedish Cyprus expedition*, Stockholm, 1936; H. Comfort. Terra sigillata. — *RE*, Bd. VII, Suppl., 1940). Эта поздняя краснолаковая керамика (типы «В» и «С» по классификации названных авторов) встречается в Херсоне в комплексах, содержащих монеты IV—VI вв. вплоть до времени Юстиниана I включительно (что совпадает со временем бытования указанных типов керамики в восточнотурецких центрах).

¹¹ См. М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. — МИА, 34, 1953, стр. 327 сл.

¹² Этот вывод находит убедительное негативное подтверждение в том, что изготовлявшейся в домашних условиях лепной керамики, относящейся к рассматриваемому времени, в Херсоне было обнаружено ничтожное количество.

¹³ Херсонские фибулы и отчасти пряжки IV—VI вв. многократно издавались. Основные работы, в которых этим категориям херсонских вещей уделяется особое внимание: А. П. Калитинский. О некоторых формах фибулы из южной России. — *SK*, vol. I, 1927; idem. La question des fibules byzantines en Russie. — «*Orient et Byzance*», IV, Paris, 1930; Н. М. Беляев. Фибула в Византии. — *SK*, vol. III, 1929; Л. А. Мадзуевич. Большая пряжка Перешепинского клада и псевдо-пряжки. — *SK*, vol. I.

¹⁴ Некоторые литейные формы V—VI вв. изданы. См. ОАК, 1898, рис. 16; ИАК, 16, 1905, стр. 45, рис. 5; МАР, 23, 1899, стр. 36. Литейные формы датируются V—VI вв. по сопровождающему материалу, монетам и типологическим либо стилистическим особенностям отлившихся вещей. О широком распространении кадил, изготовлен-

Увеличение территории Херсона в конце V—начале VI в. и огромный размах монументального и военно-оборонительного строительства в это время также являются показателем высокого уровня ремесла, и не только строительного¹⁵. Очевидно, столь интенсивное строительство стимулировало развитие и других ремесел, как, например, слесарного, столярного, художественной резьбы по камню, мозаичного дела и т. д.

Следует отметить, что херсонские строители базилик не только заимствовали те или иные образцы храмовой архитектуры других областей Византии, но и стремились к самостоятельному разрешению композиционных задач путем творческого использования различных компонентов¹⁶. Это свидетельствует о довольно высоком уровне строительного искусства в Херсоне V—VI вв.

Весьма характерным является непосредственное продолжение античных строительных традиций в строительных приемах V—VI вв. Такова, в частности, кордонная и квадратная техника кладки, применение в растворах битых кирпичей, окрашивавших раствор в розовый или красный цвет. Позднее VII в. эти приемы не встречаются¹⁷. Таким образом, и в строительном деле Херсона V—VI вв., как это уже отмечено при рассмотрении гончарного производства, были живы традиции предшествовавшего времени; и в этой отрасли не усматривается ни сокращения, ни упадок производства.

Следующая группа фактов, свидетельствующая об отсутствии каких-либо резких качественных изменений в экономике Херсона рубежа IV—V вв., выявляется при рассмотрении рыболовного промысла. Промысловое рыболовство являлось одной из ведущих отраслей хозяйства Херсона рассматриваемого времени. О масштабах рыболовного промысла позволяет судить кубатура рыбозасолочных цистерн, средняя величина которых достигает 50 куб. м. Имеются, однако, цистерны, объем которых равен или превышает сто кубических метров. Кубический метр свежепосоленной рыбы составляет 8 центнеров¹⁸, таким образом, каждая цистерна вмещала от 16 до 80 и более тонн рыбы. Так как оборачиваемость промысла могла быть восьмикратной¹⁹, то предполагаемое максимальное количество заготовленной в каждой цистерне рыбы может быть увеличено в восемь раз. При этом следует иметь в виду, что кроме анчоуса (хамсы), который солили в цистернах, ловили и другие сорта рыб, подвергавшихся обработке иными способами²⁰. Херсонские рыбозасолочные цистерны, во всяком слу-

ных в Херсоне, см. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV. СПб., 1891, стр. 31—35.

¹⁵ О расширении территории города свидетельствуют данные раскопок (см. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках 1901 г. — ИАК, 4, 1902, стр. 67); интенсивное военно-оборонительное и церковное строительство засвидетельствовано многочисленными археологическими данными и показаниями эпиграфических (В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб., 1896, № 7) и письменных источников (P. Gosorius Caesariensis. De aedificiis, VII, 10, ed. J. Naury. Lipsiae, 1905, v. III).

¹⁶ Малоазийским гордам Южного Причерноморья Херсон обязан общей схемой храмов; из константинопольского зодчества восприняты системы кладки, стилистические особенности архитектурных украшений и атриумы (Уваровская базилика), не характерные для базилик Сирии и Малой Азии (W. Ramsay and G. Bell. The Thousand and one churches. London, 1909, p. 303) и свойственные ранним базиликам столичного образца: Святогорской, Софийской, Ирининской.

¹⁷ Подробно о системах кладок, употреблявшихся в Херсоне, см. А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа. — КСИИМК, вып. 29, 1949.

¹⁸ Ю. Ю. Марти. Рыбозасолочные ванны Тиритаки. — МИА, 4, 1941, стр. 94.

¹⁹ Там же.

²⁰ М. Тихий. Анчоус Херсонеса Таврического. — «Вестник рыбной промышленности», вып. 1—3, 1917, стр. 1—40.

чае, те из них, которые могут быть датированы по археологическому материалу и монетам, использовались по своему прямому назначению до середины VI в.²¹ А это значит, что вплоть до этого времени промысловый лов рыбы сохранял все свое значение и поставлял в массовых количествах продукты для продажи на рынок²².

Один из наиболее отчетливых критериев для оценки состояния ремесла и торговли в Херсоне V—VI вв. выявляется при рассмотрении монетного материала. Соотношение монетных находок в различные годы раскопок дает следующую картину (табл. 1)²³.

Т а б л и ц а 1

Годы раскопок	IV в.	V в.	VI в., первая половина
1931—1932	28	28	17
1935—1936	49	38	19
1937	51	77	29
1940	19	48	19
1941, 1947, 1948	111	46	13
Всего	258	237	97

Количество монет для каждого раскопчного сезона является, разумеется, величиной случайной. Но это соотношение, повторяющееся из года в год, влечет за собой вывод о закономерности. Не приходится и говорить о каком-либо уменьшении монетных находок V в. по сравнению с VI в. Это же можно сказать и о количестве монет первой половины VI в. (цифры последнего столбца таблицы характеризуют ведь только половину столетия).

Оценивая эту таблицу, можно с полным правом констатировать, что денежное обращение Херсона в V—первой половине VI в. осталось на том же уровне, что и в предыдущем столетии. Да и как могло быть иначе, если ведущие отрасли производства Херсона сохранили товарный характер, а сам город продолжал оставаться крупнейшим торговым центром; это

²¹ Г. Д. Белов прав, определяя время засыпки цистерн серединой VI в., но его утверждение, согласно которому они с конца IV в. использовались лишь как свалки мусора (Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса. — МИА, 34, 1953, стр. 32), является ошибочным, так как противоречит и археологическим и письменным свидетельствам. В самом деле, нельзя же полагать, что в цистернах, которые были расположены в центральных районах города и, по мнению Г. Д. Белова, служили в IV—VI вв. мусорными ямами, накопились бы за двести лет слой мусора толщиной в 20, а в ряде цистерн 10 см. Против такой точки зрения свидетельствует материал и стратиграфия находок из цистерн под помещением V раскопок 1932 г. (Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1932 г. — МИА, 4, 1941, стр. 222 сл.) и цистерны В и Е раскопок 1940 г. (Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1940 г. — МИА, 34, 1953, стр. 120—121).

²² О большом значении рыболовного промысла в Херсоне V—VI вв. свидетельствуют не только археологические, но и письменные источники, а именно — жития херсонских святых, где часто упоминается остров св. Етерия. Жития херсонских святых составлены в конце V—VI в. (В. В. Латышев. Жития св. епископов херсонских. — ЗАН, т. VIII, вып. 3, 1906, стр. 13). Рыбные ловли в районе этого острова существовали и позднее, в X в. Согласно русско-византийским договорам, они являлись предметом столкновений между Русью и Херсоном.

²³ Эти и все последующие таблицы составлены на основании публикаций о монетных находках, изданных Л. Н. Беловой в приложении к отчетам за соответствующие годы.

последнее положение подтверждается показаниями письменных и эпиграфических источников.

В начале IV в. Херсон получил от императора Константина грамоту о податных льготах для купцов и их судов²⁴; в конце IV—начале V в. городу было предоставлено право торговли с восточными областями империи, причем в декрете есть ссыла на более раннее постановление Феодосия²⁵. В конце V в. (в 483 г.) в Херсоне, как это явствует из надписи времени императора Зинона²⁶, существовал институт коммеркиариев, или практоров, т. е. особых чиновников, ведавших сбором пошлин. В этой же надписи упоминается и специальное ведомство *τὸ πρακτεῖον*, управлявшее сбором пошлин. Сравнительный материал показывает, что ведомства коммеркиариев, или практоров, учреждались византийским правительством в преобладающем большинстве случаев в приморских областях и городах, имевших важное значение в торговле, как Абидос, Кизик, Солунь, Селевкия, на островах Эгейского моря, в Кипре, в Сицилии и т. д.²⁷ Что касается коммеркиария в Херсоне, то его значение подчеркивалось эпитетом «великолепнейший». Наконец, экономическое значение Херсона, как крупного торгового центра еще и в первой половине VI в., засвидетельствовано Иорданом²⁸. Итак, рассмотрение ряда основных фактов, освещающих экономическую историю Херсона, приводит к заключению, что ни в IV, ни на рубеже IV и V, ни в V—начале VI в., экономическое развитие города не претерпело никаких глубоких принципиальных изменений²⁹,

²⁴ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 264.

²⁵ Сохранилась мраморная плита с текстом декрета, изданного от имени Аркадия и Гонория. См. М. А. Шангин. Некоторые надписи Херсонесского музея. — ВДИ, 1938, № 3, стр. 81—82, № 11.

²⁶ В. В. Латышев. Сборник греческих надписей, стр. 16—17, № 7. В толковании надписи я следую за С. П. Шестаковым («К истолкованию херсонской надписи времени Зинона». — Памятники христианского Херсонеса, вып. III, М., 1908. Приложение I, стр. 95 сл.). Возражения, выдвинутые В. В. Латышевым (ИАК, 18, стр. 18, прим. 3) и М. И. Ростовцевым (ИАК, 23, 1907, стр. 10), потеряли силу после опубликования новых эпиграфических документов (М. А. Шангин. Ук. соч., стр. 81—82, № 11).

²⁷ С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 103.

²⁸ Jordan. Get., ed. Th. Mommsen. — MGH, t. V, pars 1. Berolini, 1882, p. 63.

²⁹ Это положение опирается еще на один, хотя и косвенный, но, по нашему мнению, весьма существенный аргумент, заключающийся в следующем. В Херсоне обнаружен ряд захоронений первых веков н. э., обряд погребений в которых свидетельствует о принадлежности погребенных к сарматам. Сарматские элементы в Херсоне IV—V вв. явственно прослеживаются по наличию плитовых гробниц, типичных серег, деформированных черепов. И тем не менее, говорить о сарматизации Херсона в том смысле, в каком этот термин применяется, скажем, к Боспору, никоим образом нельзя. Культура Херсона испытала на себе влияние сарматов в ничтожной степени. Наиболее массовый материал — керамика, не подвергся этому влиянию вовсе. Тезис М. И. Ростовцева о том, что культура Херсона оказалась свободной от сарматского влияния (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 612—613) остается в силе. Таким образом выявляется резкое количественное несоответствие между сарматскими элементами, прослеживаемыми в культуре Херсона, с одной стороны, и в обряде погребения и сопровождающем ритуальном инвентаре, с другой. Последних больше, ибо консерватизм традиции в погребальных сооружениях, обряде погребения и ритуальном инвентаре, как известно, наиболее силен. Это несоответствие находит объяснение только в признании крайне быстрой ассимиляции значительного количества пришлых элементов, имевшей место в Херсоне рассматриваемого времени. Быстрота ассимиляции косвенно указывает на устойчивость социально-экономических институтов. Этот тезис находит убедительное подтверждение при рассмотрении тех процессов, какие протекали на Боспоре. Рустификация и сарматизация Боспора, начавшиеся задолго до готского разгрома, являются, как это показал В. Д. Блаватский («Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья». М., 1953, стр. 194), разными сторонами одного и того же исторического процесса. В Херсоне же не было в IV—V вв. рустификации и не произошла сарматизация.

наличие которых только и дает право констатировать наступление новой исторической эпохи.

Так или иначе, но оснований для выделения промежутка времени, охватывающего V—первую половину VI в., в особый период нет. История Херсона этого времени является неотъемлемой частью предшествующего этапа развития.

На рубеже первой и второй половины VI в. в экономическом развитии Херсона произошел резкий спад, хронологические границы которого отчетливее всего обозначаются соотношением монетных находок (см. табл. 2).

Таблица 2

Годы раскопок	V в.	Первая пол. VI в.	Вторая пол. VI в.	VII в.	VIII в.	Первая пол. IX в.
1908—1912	197	210	14	—	1	4
1931—1932	28	17	4	7	—	3
1935—1936	38	20	6	6	1	1
1937	77	29	6	1	—	3
1940	48	19	1	3	—	—
1941, 1947, 1948	46	13	5	—	—	5
Всего	434	308	36	17	2	16

Хронологические границы нового этапа в развитии экономики Херсона, очерчиваемые монетным материалом, охватывают примерно промежуток времени между серединой VI в. и серединой IX в. около 300 лет.

Показания монетного материала, свидетельствующие о сокращении торговли и упадке производства, рассчитанного на рынок, т. е. о натурализации экономики, находят подтверждение в фактах, характеризующих состояние производства между VI и IX вв. Эти факты выявляются при сопоставлении продукции керамического и бронзолитейного ремесел соответственно в V—VI и IX—X вв. Типологическое сравнение соответственных категорий вещей, бытовавших в V—VI и IX—X вв., приводит к следующим результатам.

Говоря об эволюции гончарного производства в III—VI вв., мы отмечали выше непосредственную преемственность в формах и технике изготовления керамических изделий VI в. и более раннего времени. К подобному выводу приводит и рассмотрение данных о развитии керамического производства в X—XIV вв.³⁰ Конечно, формы сосудов XIV в. не идентичны формам X в. Однако керамика XI—XIV вв. всеми своими основными признаками, — и прежде всего формой и орнаментикой, — восходит к керамике IX—X вв., являясь, соответственно каждому виду сосудов, непосредственным типологическим продолжением последней. Можно проследить, как на протяжении X—XIV вв. в процессе формообразования постепенно поднимались над горлом ручки амфор и раздувались их бока; как видоизменялись высокогорлые кувшины с плоскими ручками; насколько устойчив был врезной орнамент в виде прямых, пунктирных, волнистых линий либо их различных сочетаний и т. д.

³⁰ О гончарном производстве позднесредневекового Херсона см. А. Л. Яковлев. Средневековый Херсонес. — МИА, 17, 1950, стр. 101—166, рис. 48—80.

Генетическая преемственность в формах, орнаментике и технике изготовления керамических изделий III—VI и IX—XIV вв. свидетельствует об устойчивости ремесленных традиций в гончарном производстве.

Но в развитии гончарного производства между VI и IX вв. ничего подобного не наблюдается. Оставляя в стороне амфоры, служившие кроме всего прочего тарой для дальних перевозок и более других изделий имевшие тенденцию к унификации, нельзя усмотреть в господствующих формах керамических изделий IX—X вв. какой-либо общности с изделиями V—VI вв. Наиболее распространенные типы сосудов IX—X вв., и прежде всего высокогорлые кувшины с плоскими ручками и сосуды, украшенные врезным волнисто-линейным и пунктирным орнаментом, не имеют типологических корней в керамике VI в., восходя совсем к другим прототипам. Характерным является также резкое изменение формы и техники изготовления черепицы.

Все это неизбежно ведет к выводу, что между VI и IX вв. в гончарном производстве Херсона имел место прерыв ремесленной традиции. В этой связи весьма показательно, что именно в середине VI в. прекращается бытование краснолаковой керамики.

Аналогичная картина выявляется при изучении бронзолитейного производства VI—IX вв. Рассматривая набор раннесредневековых херсонских бронзовых украшений, исследователи уже обращали внимание на тот факт, что для Херсона не характерны некоторые категории украшений, свойственные раннесредневековым поселениям и могильникам Таврики, в частности, одному из наиболее богатых могильников — Суук-Су. В качестве объяснения выдвигался тезис о преобладающем значении византийской культуры в Херсоне³¹. Объяснение это правильное, но неполное.

Дело в том, что в Херсоне отсутствуют или встречаются в единичных количествах по преимуществу те украшения, которые датируются в указанных могильниках наиболее поздним временем. Так, калачевидные серьги V—VI вв. в Херсоне распространены, но их позднейшие производные с подвесками салтовского типа не характерны. Последние хорошо датируются по аналогии с памятниками салтовского круга — VII — первой половиной VIII в. Равным образом, в Херсоне отсутствуют бляшки с прорезными отверстиями, имитирующими черты человеческого лица, датирующиеся также VII — первой половиной VIII в.³² Не встречаются в Херсоне и наиболее поздние типы пряжек, известные из находок в Эски-Кермене и Узень-Баше, с овальным кольцом и вытянутым фигурным прорезным щитком, которые нельзя датировать временем ранее конца VI—VII в.³³

Таким образом, в Херсоне почти нет украшений, характерных для окружающих областей в VII—VIII в. При всем различии культур эти украшения не могли бы не проникнуть в живой, развивающийся город. Отсутствие их — признак обезлюдения города, его упадка.

В Херсоне не обнаружен ни один цельный археологический комплекс VII—VIII вв., отсутствует керамика, которую можно было бы отнести ко второй половине VII—VIII в.; нет металлических изделий, особенно бронзовых украшений, обычно хорошо датироваемых, а потому важных для определения хронологии; строительные остатки этого времени также не обнаружены. Таким образом, приведенные соображения свидетельствуют

³¹ А. Л. Я ко б с о н. Византия в истории раннесредневековой Таврики. — СА, XXI, 1954, стр. 151.

³² См. Н. Я. М е р п е р т. О генезисе салтовской культуры. — КСИИМК, 36, 1951, стр. 24—25.

³³ «Готский сборник» (ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8). М.—Л., 1932, стр. 173, рис. 40, 9; ИАК, 30, 1909, стр. 114, рис. 15, 14.

об упадке гончарного и металлообрабатывающего ремесел, строительного дела.

Столь же тяжелый упадок постиг и другие отрасли производства. В середине VI в. прекращается в крупных размерах промысловый лов рыбы, в это время были заброшены рыбозасолочные цистерны. Огромное количество ракушек устриц и мидий в более поздних слоях говорит о преобладающем значении прибрежного лова. По-видимому, постепенно сходит на-нет такая важная отрасль ремесла, как кораблестроение. В этой связи далеко не случайным выглядит тот факт, что именно в конце VI в. Херсон был освобожден от несения натуральной морской повинности³⁴.

Сокращение внешней торговли засвидетельствовано почти полным отсутствием в средневековых слоях Херсона вещей импортного происхождения VII—VIII вв. и полным молчанием письменных источников. Между тем о внешней торговле предыдущего времени имеется довольно много и письменных источников и археологических данных³⁵.

Те, очень немногие и отрывочные данные о Херсоне рассматриваемого времени, которые можно извлечь из письменных источников, полностью совпадают с показаниями археологического и нумизматического материала.

Тяжелое экономическое положение и запустение города засвидетельствовано: для середины VII в. — письмами папы Мартина³⁶ и схождения Феодора к житию братьев Феодора и Евпрепия³⁷, для начала VIII в. — сообщениями Никифора³⁸ и Феофана³⁹, для начала IX в. — житием Иоанна Психайта⁴⁰.

Таким образом, в течение времени со второй половины VI в. по начало IX в. в Херсоне имело место резкое снижение уровня производства, прослеживаемое на материалах бронзолитейного, керамического и строительного ремесел: перерыв ремесленной традиции, отказ от использования рыбозасолочных цистерн (что связано с прекращением засолки рыбы в массовых количествах для продажи и переходом к прибрежному лову), упадок внутренней торговли, сокращение экономических связей, резкий спад денежного обращения.

Упадок экономики Херсона на рубеже первой и второй половины VI в. нет оснований объяснять каким-либо катастрофическим событием. Как показывает археологический материал, во второй половине VI в. и, возможно, первой половине VII в., здесь продолжало существовать, хотя

³⁴ Jus, III, p. 23.

³⁵ Эти данные позволяют выявить состав импорта и экспорта Херсона в V—VI вв. С севера, из Юго-Западной Таврики и степных областей, Херсон получал сырье: кожи, шерсть, меха, которые отправлялись вместе с херсонскими товарами — солью и рыбой в Малую Азию. Оттуда в Херсон поступали ремесленные изделия из стекла и металла, металлы в сыром виде, строительные материалы, архитектурные детали, ткани. Важнейшей статьей малоазийского экспорта являлись предметы первой необходимости — хлеб и вино. Часть этих товаров оседала в Херсоне — прежде всего все продовольствие и полностью железо в сыром виде. Здесь же, на месте, использовалась и значительная часть строительных материалов, предметов культового назначения, металлическая и стеклянная утварь, а также предметы роскоши: ювелирные изделия и ткани. В качестве эквивалента за сырье на север отправлялись изделия собственного производства, в том числе сельскохозяйственные орудия, инструменты и принадлежности, изготовленные из привозного железа и других металлов, бронзовые изделия, глиняные сосуды и керамические строительные материалы (черепица, кирпичи), принадлежности христианского культа. Кроме этого, через Херсон экспортировались и изделия малоазийских мастерских, перечисленные выше, а также архитектурные детали и строительные материалы из мрамора и шифера.

³⁶ PL, t. 87, col. 201—204.

³⁷ PL, t. 129, col. 682; PG, t. 90, col. 193.

³⁸ N i c e p h o r i Breviarium, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 44.

³⁹ T h e o r h a n i s Chronographia, ed. C. de Boor, vol. I. Lipsiae, 1883, p. 369.

⁴⁰ X. Л о п а р е в. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пг., 1914, стр. 235.

и в значительно сузившихся рамках, гончарное и металлургическое производство. Об этом же свидетельствует факт выпуска монет, — правда, в очень небольших размерах и весьма кратковременного, — в конце VI в., при императоре Маврикии. Однако эти данные говорят лишь о функционировании в минимальных размерах производства, удовлетворявшего самые необходимые нужды значительно поредевшего населения.

Письменные источники, названные выше, сообщают лишь о запустении, а отнюдь не о полном обезлюдении Херсона, который, таким образом, вовсе не превратился в VII—VIII вв. в мертвый город, каким он стал только в XV в. Это же явствует из пребывания в VII—VIII вв. в Херсоне ипатов, присылавших сюда время от времени византийским правительством, о чем свидетельствуют надписи и печати⁴¹. Здесь же продолжала и в это время оставаться резиденция архиепископа⁴². Иначе говоря, Херсон, перестав быть городом в социально-экономическом смысле этого слова, продолжал оставаться военно-административным и церковным центром. Это последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в дальнейшем развитии Херсона и явилось весьма существенным фактором его экономического подъема во второй половине IX в., когда изменилась общая экономическая и политическая ситуация. Но об этом ниже.

Резюмируя все сказанное, мы приходим к заключению, что в экономическом развитии города во второй половине VI в. произошел глубокий перелом. Это дает право назвать промежуток времени, охватывающий вторую половину VI, VII, VIII и начало IX в., первым периодом средневековой истории Херсона.

Было бы очень заманчиво установить, почему в середине VI в. произошел перелом в истории Херсона, какие факторы обусловили наступление нового периода в его истории. К сожалению, имеющиеся данные более или менее полно помогают лишь уяснить, какие факторы не обусловили этого.

Рассмотрение политической ситуации в Таврике V—VI вв. не дает возможности связывать перемены в развитии Херсона на рубеже первой и второй половины VI в. с какими-либо внешними насильственными действиями против города. Пребывание здесь византийских гарнизонов, как и усиленное военно-оборонительное строительство, осуществлявшееся Византией в Юго-Западной Таврике и самом Херсоне⁴³, сыграло весьма крупную роль в защите города от внешних вторжений. Херсон не видел в своих стенах ни готов, ни гуннов, ни восточных тюрков⁴⁴. Авары в Юго-Западную Таврику не доходили⁴⁵, а хазары появились здесь не ранее второй половины VII в.⁴⁶

Нет оснований допустить наличие каких-либо вторжений в VI в., ко-

⁴¹ В. В. Л а т ы ш е в. Сборник греческих надписей. стр. 107, № 99; G. S c h l u m b e r g e r. Sigillographie de l'empire Byzantin. Paris, 1884, p. 235—238; И: И. Т о л с т о й. О византийских печатах Херсонской фемы. — ЗРАО, II, 1887, стр. 28; А. Ф. В и ш н я к о в а. Свинцовые печати византийского Херсонеса. — ВДИ, 1939, № 1.

⁴² C. de B o o r. Nachträge zu den Notitia episcopatum. — Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. XII, 1891, S. 517—519.

⁴³ IOSPE, I² 449, 450; В. В. Л а т ы ш е в. Сборник греческих надписей, № 7, стр. 16—17; ИАК, 18, 1906, № 37, стр. 121—123; Р г о с о р., De aedif., III, 7, 10—17.

⁴⁴ См. А. Л. Я к о б с о н. Византия в истории раннесредневековой Таврики. — СА, XXI, 1954, стр. 162.

⁴⁵ Во всяком случае нет никаких сведений в письменных источниках и, что еще важнее, никаких находок аварских вещей (очень выразительных и в настоящее время хорошо известных).

⁴⁶ T h e o r h., Chron., vol. I, p. 357. Ср. М. И. А р т а м о н о в. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

торые могли бы иметь катастрофические последствия для города. Археологический материал, который всегда очень четко и определенно фиксирует все признаки, связанные с такого рода событиями, не дает оснований для подобных предположений. Если бы даже не сохранилось ни одного письменного свидетельства о событиях в Херсоне в конце X в. или в конце XIV в., одного археологического материала было бы вполне достаточно, чтобы установить наличие насильственных действий, завершившихся разрушением значительной части города.

Отсюда ясно, что резкие изменения в развитии Херсона в середине VI в. следует объяснять не столько разрушительными последствиями каких-либо вторжений, сколько факторами внутреннего развития и ухудшением общей экономической конъюнктуры в жизненно важных для города областях. К сожалению, на этот счет можно высказать лишь несколько соображений, имеющих, по недостатку источников, лишь предварительный характер.

По эпиграфическим памятникам I—II вв. н. э. в Херсоне прослеживается процесс концентрации политической власти в руках немногих аристократических семей, в которых высшие государственные должности передавались по наследству из поколения в поколение⁴⁷. Надо думать, это явление было лишь политическим выражением процесса концентрации земельной собственности в руках этих семей. Такая концентрация облегчалась тем обстоятельством, что земельные участки в античном Херсонесе являлись частной собственностью их владельцев⁴⁸. Весьма вероятно, что укрупнение земельных участков сопровождалось серьезным изменением в формах землепользования и переходом от интенсивных форм ведения сельского хозяйства к экстенсивным. Основанием для подобного предположения является прекращение функционирования виноделен в самом городе ко второй половине IV в.⁴⁹ Этот факт тем более показателен, что в сельском хозяйстве античного Херсонеса господствующее значение имело не хлебопашество, а виноградарство⁵⁰.

Переход к экстенсивным формам сельского хозяйства повлек за собой, очевидно, уменьшение количества товарных излишков и сокращение в какой-то степени товарности сельского хозяйства. Но в Херсонесе высокоинтенсивные формы — виноградарство и виноделие сменились, скорее всего, даже не хлебопашеством, а, в значительной степени, пастбищным животноводством, т. е. здесь имело место превращение значительной части сельскохозяйственной территории в пастбище. Основанием для такого рода предположения является относящееся к IV в. сообщение, автор которого, говоря о богатстве некоторых горожан, на первое место выдвигает и особенно подчеркивает владение многочисленными стадами⁵¹.

Расширение пастбищ за счет пахотных земель было связано с набегами

⁴⁷ IOSPE, I² 357, 358, 359, 360, 389, 390, 431, 432. См. Херсонесский декрет в честь Диа. . . сына Дмитрия (В. В. Л а т ы ш е в. *Почтиж.*, СПб., 1909, стр. 314—331). Ср. Г. Д. Б е л о в. Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 104.

⁴⁸ В. Д. Б л а в а т с к и й. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 35.

⁴⁹ Г. Д. Б е л о в. Херсонесские винодельни. — ВДИ, 1952, № 2, стр. 225.

⁵⁰ В. Д. Б л а в а т с к и й. Ук. соч., стр. 165. О соотношении земельной площади, занятой виноградниками и садами, с одной стороны, и полевыми культурами, с другой, см. С. Ф. Стржелецкий. Клер Херсонеса Таврического. — ВДИ, 1951, № 3, стр. 85.

⁵¹ Речь идет о реминисценции IV в., содержащейся в 53 главе сочинения Константина Багрянородного «De administrando imperio». В этой главе, посвященной истории Херсона, содержится историческое предание, почерпнутое Константином из какого-то литературного источника херсонского происхождения (См. J. В и г у. *De Treatise de adm. imp.* — BZ, Bd. XV, 1906, S. 538). Это предание имеет, несомненно, истори-

кочевников, которые, хотя и не захватывали Херсона, но, очевидно, опустошали его сельскохозяйственную округу. Так, в начале VI в., как сообщает Иордан, в непосредственной близости от Херсона кочевало гуннское племя альтиагиров ⁵².

Прекращение возделывания культуры винограда и превращение значительной части херсонской хоры в пастбище объясняет хронический недостаток Херсона в предметах первой необходимости — хлебе и вине и его полную зависимость в получении этих продуктов от внешних малоазийских рынков ⁵³.

Указанные факторы, обусловившие еще с IV в. постепенную натурализацию сельского хозяйства Херсона, очевидно, отрицательно сказывались на экономическом положении города в целом; однако, подорвать его экономические позиции они не могли до тех пор, пока существовали обстоятельства, благоприятствовавшие развитию транзитной торговли и ремесла — двух других устоев экономики Херсона. Лишь со второй половины VI в. произошла натурализация всей экономики и сам город аграризировался.

Объяснить это можно тем, что торговля и ремесло Херсона в значительной степени зависели от состояния внешних и, прежде всего, южнопонтийских рынков, поскольку именно оттуда доставлялись продовольствие, сырье (в первую очередь, металлы) и ряд товаров, предназначенных для перепродажи на север. Но, как свидетельствуют приведенные выше факты, как раз со второй половины VI и особенно в VII—VIII вв. резко сократился экспорт из Южного Причерноморья жизненно необходимых для Херсона товаров.

В рассматриваемой связи было бы крайне существенно выявить конкретный характер изменений в экономических взаимоотношениях ранне-средневекового Херсона с кочевым миром и земледельческим населением, находившимся на другом полюсе его транзитной торговли. К сожалению, из-за отсутствия источников ничего определенного по этому поводу сказать нельзя.

Можно думать, что плотность населения Юго-Западной Таврики в VI—VII вв. была достаточно высокой, судя по довольно большому количеству могильников местного населения ⁵⁴. Это говорит о более или менее благоприятных экономических и политических условиях жизни. А это, в свою очередь, свидетельствует, что изменения в экономической жизни Херсона в середине VI в. были вызваны, помимо внутренних причин, прежде всего, резким ухудшением экономической конъюнктуры

чески достоверное ядро, но со многими вымышленными эпизодами. Историческая реальность ряда содержащихся в предании сведений подтверждается другими источниками. Исторически достоверными являются также детали бытового характера, мало-важные для автора предания, стремившегося возвеличить военную доблесть херсонесцев и их право на всяческие привилегии. Данные, на которые мы ссылаемся (С о n s t. Р о г р h y r., De adm. imp., сар. 53, р. 266, 268, 270), сообщаются в одном из эпизодов указанного предания, так называемой истории о Гикии. Ср. R. G a r n e t t. The Story of Gygia. — «The English Historical Review», vol. XII, 1897, p. 100—105.

⁵² I o r d., Get., V, 37.

⁵³ PL, t. 87, col. 201—202; С о n s t. Р о г р h y r., De adm. imp., сар. 53, р. 266.

⁵⁴ См. Н. И. Р е п н и к о в. Некоторые могильники области крымских готов, ч. I. — ИАК, 19, 1906, стр. 1—80; ч. II. — ЗООИД, XXVII, 1907, стр. 101—148; е г о ж е. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. — ИАК, 30, 1909, стр. 99—126; е г о ж е. Раскопки Эски-Керменского могильника. — «Готский сборник» ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 153—180; В. В. К р о п о т к и н. Население Юго-Западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореферат канд. дисс., М., 1953, стр. 4 сл.; е г о ж е. Из истории средневекового Крыма. — СА, XXVIII, 1958, стр. 207 сл.

в бассейне Черного моря (поскольку ослабление связей города с местным земледельческим населением, если оно вообще имело место, было в то время весьма незначительным; это подтверждается также тем, что еще в самом конце VI в. Херсон был политическим центром всей Таврики, как это явствует из надписи Евпатерия ⁵⁵).

Первый признак начавшегося возрождения Херсона можно видеть в увеличении населения. Об этом свидетельствует появление керамики, не свойственной ранее Херсону и сближающейся по ряду признаков (прежде всего по орнаментировке) с керамикой городищ салтово-маяцкого круга, точнее говоря, с позднейшими модификациями этой керамики типа саркельского и ряда других цимлянских городищ.

Особенно характерными являются фрагменты с орнаментальным мотивом в виде сочетания гребенчатого линейно-волнистого и пунктирного узора, затем фрагменты лощеных сосудов с орнаментацией из концентрических кругов либо вертикальных лощеных полос, а также чернолощеных сосудов с решетчатым узором. Все это позволяет датировать эту керамику концом VIII—IX в. Очевидно, в Херсон в это время проникает население с иными традициями и вкусами. Действительно, о значительных количествах пришлого населения в Херсоне IX в. свидетельствует Паннонское житие Константина (Кирилла) Философа ⁵⁶ и письмо Анастасия Библиотекаря ⁵⁷.

Мы располагаем фактами, хотя и отрывочными, но дающими определенное представление о начавшемся подъеме ремесла и расширении торговых связей. В самом конце VIII в., после более чем двухсотлетнего перерыва, возобновляется, правда, еще в очень незначительных размерах (сохранились остатки только одного храма ⁵⁸), церковное строительство, расцвет которого относится к X в.

К 20-м годам IX в. относится сообщение о наличии в Херсоне медников и моряков ⁵⁹, к 30-м годам — сведения о возобновлении торговли с Южным Причерноморьем ⁶⁰; к 40-м годам — первое сообщение о торговле с Русью ⁶¹; к 50—60-м годам следует отнести импорт, хотя еще в незначительных количествах, поливной керамики и, наконец, к 866 г. — выпуск (после трехсотлетнего перерыва) собственной монеты, отражавший оживление экономики Херсона в предшествующую половину столетия и способствовавший дальнейшему развитию производства и торговли во второй половине IX—X в. Поэтому этим событием, явственным всего обнаруживающим качественное изменение в развитии Херсона в середине IX в., и следует датировать начало нового периода.

Это изменение в экономическом развитии, как всегда, наиболее отчетливо обнаруживается в соотношении монетных находок. Приведем таблицу (табл. 3).

Как видим, нумизматические данные отражают несомненный экономический подъем Херсона во второй половине IX и, особенно, в X в. При этом

⁵⁵ В. В. Л а т ы ш е в. Сборник греческих надписей, стр. 107—109.

⁵⁶ П. А. Л а в р о в. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 12, 49.

⁵⁷ И. В. Я г и ч. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа. — ЗАН, XXIII, прилож. № 6, 1893, стр. 9.

⁵⁸ Крестовокупольный храм на Акрополе. О датировке см. А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Херсонес, стр. 230.

⁵⁹ См. X. Л о п а р е в. Ук. соч., стр. 236.

⁶⁰ С о н s t. Р о г р ы г, De adm. imp., cap. 42, p. 182; Theophanes Continuatus, ed. I. Bekker. Bonnae, 1838, p. 123. 6.

⁶¹ А. Я. Г а р к а в и. Сказания мусульманских писателей о славянах. СПб., 1870, стр. 27.

следует подчеркнуть, что монеты, относящиеся ко второй половине IX—X в., характеризуют не внешние связи, о широком размахе которых говорят другие данные, а внутреннее обращение. Это явствует из того факта,

Таблица 3

Годы раскопок	Вторая половина VI—первая половина IX в. (около 300 лет)	Вторая половина IX в. (около 50 лет)	X в.
1908—1912	19	314	1082
1931—1932	14	88	369
1935—1936	14	61	127
1937	10	54	148
1940	4	16	66
1941, 1947, 1948	10	44	123
Всего	71	577	1915

что подавляющее большинство найденных монет отлито в Херсоне; монеты, чеканенные на других монетных дворах, встречаются в единичных количествах. Это видно из следующей таблицы (табл. 4):

Таблица 4

Годы раскопок	Общее количество монет второй половины IX—X вв.	Литые (т. е. херсонские)	Чеканенные на других византийских монетных дворах
1931—1932	457	443	14
1935—1936	186	184	2
1937	202	200	2
1940	82	81	1
1941, 1947, 1948	167	166	1
Всего	1094	1074	20

Среди археологического материала наиболее отчетливый критерий для суждения об уровне развития ремесла предоставляют, как и раньше, изделия керамического производства⁶². Массовое производство однотипных гончарных изделий, удостоверяемое огромным количеством находок, полное отсутствие лепной керамики, наличие посуды и керамических строительных материалов херсонского производства далеко за его преде-

⁶² Датировка керамики второй половины IX—X в., как и ряда других изделий ремесленного производства этого времени, не встречается, как правило, затруднений в силу того, что, во-первых, археологический материал этого периода представлен не только отдельными находками, но и, зачастую, целыми комплексами, указывающими на синхронность входящих в этот комплекс вещей; во-вторых, так как денежное обращение было весьма интенсивным, многие комплексы содержат монеты, позволяющие надежно датировать совместно встреченные вещи; в-третьих, на ряде участков херсонского городища стратиграфически выделен слой второй половины IX—X в., так что вещи из этого слоя создают твердую опору для датировки; в-четвертых, некоторые категории вещей имеют весьма многочисленные аналогии (амфоры, кувшины, кресты, замки, браслеты, резная кость и ряд других вещей).

лами, на городищах и поселениях Таврики и Таманского полуострова ⁶³ — все эти факты рисуют выразительную картину состояния гончарного ремесла, поставлявшего продукцию на широкий, не только внутренний, но и внешний рынок.

Значительным количеством находок представлено и металлообрабатывающее производство. По найденным литейным формам и металлическим изделиям можно установить, что в Херсоне рассматриваемого времени существовали различные способы литья: применялись мягкие глиняные формы — кошии, в которых были оттиснуты оригиналы, было известно литье по восковой модели с сохранением формы; подавляющее большинство бронзовых вещей было отлито в жестких литейных формах, что говорит о массовом изготовлении продукции для широкого рынка. Найденны и другие необходимые орудия литейного производства — тигли и льячки.

О достаточно высоком уровне кузнечно-слесарного дела свидетельствует разнообразный инструментарий, обнаруженный при раскопках. Каждый инструмент (или приспособление) представлен несколькими типами в соответствии с размерами и назначением изготавливавшейся вещи ⁶⁴.

Перечислим основные находки готовых изделий: сельскохозяйственный инвентарь — лемехи, мотыги, серпы, лопаты, подковы, конские путы, щетки для вычесывания шерсти; инструментарий для ремесленников — топоры, кирки, ножи, молотки, пилы, зубатки, скобели, сверла, ножницы, циркули и другие; хозяйственные предметы, бытовая утварь и предметы специального назначения — гвозди, ножи, рыболовные снасти, железные и бронзовые принадлежности церковной утвари, замки и ключи, различные украшения и т. п.

Среди технических приемов, употреблявшихся мастерами, работавшими по бронзе, и ювелирами, следует отметить широкое распространениековки и чеканки; в числе других приемов нужно назвать гравировку, чернь, зернение, скань и тиснение ⁶⁵.

О крупных масштабах строительства в Херсоне этого времени дает представление огромное количество черепицы в слое IX—X вв. и наличие жилых комплексов, относящихся к этому периоду. В это время строятся новые ⁶⁶, поднимаются из руин и реконструируются полностью или частично старые храмы, например, Уваровская базилика, Крестовый храм раскопок 1897 г., базилика раскопок 1935 г. ⁶⁷

⁶³ В Эски-Кермене, в окрестностях Ялты, в Коктебеле, на Таманском полуострове (А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Херсонес, стр. 125 сл.).

⁶⁴ Наковальни: клиновидные либо с плоским основанием — ювелирные и для мелких слесарных поделок. Молотки — тяжелые молоты-кувалды для обработки крупных поковок, молотки с двумя клевцами или двумя задками-острыками; молотки с двумя бойками; молотки универсального типа с бойком и задком-острыком; небольшие молоты — ручники. Зубила слесарные — без рукоятки; зубила кузнечные — с рукоятью. Клещи — кузнечные, клещи — кусачки. Различного рода вставки и наковальни.

⁶⁵ Из ювелирных инструментов были найдены маленькие наковаленки, пинцеты, щипцы, пробойники, небольшие долотца, зубильца.

⁶⁶ Пятиапсидный храм раскопок 1906 г. (А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Херсонес, стр. 230—231). О других церквях X—XI вв. см. там же, стр. 232 сл.

⁶⁷ Раскопками последних лет выявлена картина значительных перестроек и даже коренных реконструкций храмов, произведенных, по большей части, в X в. Так, раскопками С. Ф. Стржелецкого (1950) так называемой базилики 1935 г. установлено повышение уровня стилабатов в X в., что должно было повлечь за собой коренную реконструкцию храма. При раскопках О. И. Домбровским (1953—1955) Уваровской базилики и Крестового храма были обнаружены: под полом капеллы Уваровской базилики — медальон X в.; под полом Крестового храма — фрагменты поливной керамики. Очевидно, в VII—VIII в., во времена глубокого упадка Херсона, церковные здания не ремонтировались, они пришли в полную ветхость и обрушились. В последующее время их пришлось почти полностью восстанавливать.

Наличие развитого кораблестроения в Херсоне X в. засвидетельствовано письменными источниками⁶⁸. Корабли, как можно понять из терминологии Константина Багрянородного, строили обычного для того времени типа и размеров. Это подтверждается находками больших железных якорей.

При раскопках были найдены запасы свинца в виде тяжелых, массивных дисков, прутьев, пластин.

Анализ изделий из кости дает основание говорить о развитии косте-резного дела. Об этом свидетельствуют наличие большого количества полу-фабрикатов различной степени готовности, применение специальных инструментов⁶⁹, находки ряда изделий, орнамент на которых изобличает руку одного мастера.

Изучение некоторых категорий вещей IX—X вв. выявляет ряд существенных фактов, указывающих на характер изменений, которые претерпело ремесленное производство Херсона на протяжении VI—X вв. Один из этих фактов был уже отмечен в литературе при рассмотрении амфор, а именно: разнообразные типы амфор V—VI вв. сменяются в X в. одним—двумя видами. Это обстоятельство было вызвано стандартизацией продукции, обусловленной расширением производства керамической тары⁷⁰.

К аналогичным выводам приводит и рассмотрение ключей и замков IX—X вв., изготовление которых было сложным и трудоемким процессом. Тем более поражает стандартность и унифицированность форм замков и ключей (за исключением, разумеется, профиля бородки). Унификация коснулась не только важных для работы деталей, но и длины стержня ключа или формы кольца ключа (кнопка в верхней части и шиповидные отростки). Эти детали настолько однообразны, что напрашивается вывод о производстве замков и ключей к ним в одной или немногих мастерских. В этих условиях стандартность и унификация изделий обуславливались стремлением к выпуску большого количества продукции, что, в свою очередь, было вызвано широкой работой на рынок. И, действительно, херсонские замки (в частности, зооморфные) доходили до далекого Болгара, явившись там прототипом болгарских однотипных замков⁷¹.

Приведенные факты показывают, что в X в. производство керамической тары и замков было сосредоточено в мастерских, специализировавшихся, по преимуществу, на выработке этого рода продукции. Таким образом, можно проследить общую для раннего средневековья закономерность. Развитие производительных сил проявлялось не только и даже не столько в создании новых, технически более совершенных орудий, сколько в медленном, но неуклонном росте общественного разделения труда⁷².

Развитое ремесленное производство, выгоды географического положения и политическая значимость Херсона этого времени стимулировали развитие внешнеторговых связей. Имеющиеся данные говорят — в одних случаях более или менее явственно, в других глухо — об экономических

⁶⁸ Const. Porphyg., De adm. imp., cap. 53, p. 264; Повесть Временных лет, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 37.

⁶⁹ Ножи, резцы, сверла, циркули, напильники и, вероятно, токарный станок.

⁷⁰ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, XV, 1951, стр. 335.

⁷¹ А. П. Смирнов. Очерки по истории древних болгар. — «Труды Гос. Исторического музея», т. XI, 1940, стр. 103.

⁷² Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. М., 1954, стр. 274.

и культурных отношениях с печенегами ⁷³, Русью ⁷⁴, хазарами ⁷⁵, Закавказьем, ⁷⁶ Балканами ⁷⁷.

Но, разумеется, наиболее интенсивными были торговые и культурные связи Херсона с Константинополем и понтийскими фемами, на что прямо и определенно указывают письменные источники и археологические материалы. Херсон и в это время получал из Малой Азии продукты первой необходимости — хлеб и вино, металлы, предметы роскоши, главным образом, ткани и кожи дорогой выделки, а также пряности⁷⁸. Эти данные о составе малоазийского импорта, сообщаемые Константином Багрянородным, дополняются археологическими материалами, указывающими на вывоз в Херсон из Малой Азии готовых ремесленных изделий, в частности, ювелирных, некоторых бронзовых украшений, резной кости, но прежде всего, поливной керамики. Ввоз этой посуды был весьма значительным, судя по большому количеству найденных фрагментов. Импорт поливной белоглиняной керамики, начавшись во второй половине IX в., заметно увеличился в X в., достигнув максимума к середине столетия ⁷⁹.

О роли Херсона как крупного центра транзитной торговли и важного пункта сбора пошлин дают представление многочисленные печати коммеркириев этого времени ⁸⁰. Значение этой должности в Херсоне подчер-

⁷³ Const. Porphyg., De adm. imp., cap. 6, p. 52.

⁷⁴ Const. Porphyg., De adm. imp., cap. 9. А. Я. Гаркавич. Сказания мусульманских писателей. . . , стр. 27. Сообщения Ибн-Хордадбе, Ибн-Русте и Аль-Мукадеси о торговле русских купцов мечами и в взаимности с них пошлин на берегу Румского моря, скорее всего, в Херсоне, следует поставить в соответствие с находками в Херсоне наконечников ножен мечей, относящихся ко второй половине X—началу XI в. Все эти наконечники европейского происхождения (киевские, шведские, венгерские); южных и восточных изделий, в том числе и византийских — нет.

⁷⁵ Const. Porphyg., De adm. imp., cap. 42, p. 182, 184. О находках в Саркеле херсонских монет и ряда предметов херсонского или византийского происхождения, попавших туда через Херсон (стеклянные браслеты, часть керамических изделий, некоторые металлические и костяные украшения), см. М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. — МИА, 62, 1958, стр. 43, 74.

⁷⁶ О находках кувшинов с канелированными стенками закавказского происхождения см. А. Л. Якобсон. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1940 г. — МИА, 34, 1953, стр. 127; его же. Отчет о раскопках 1941—1948 гг. — Там же, стр. 207.

⁷⁷ О наличии в ряде архитектурных памятников Херсона черт, присущих греческому и болгарскому зодчеству, см. работу А. Л. Якобсона в МИА, 34, 1953, стр. 218. О существовании в Херсоне культа солунских святых Георгия и Димитрия см. В. В. Латышев, в МАР, 23, стр. 36; С. М. Гайдин. Резная шиферная иконка Димитрия и Георгия. — «Гос. Эрмитаж» (Сборник), т. II, Пг., 1923.

⁷⁸ Const. Porphyg., De adm. imp., cap. 6, p. 52; cap. 53, p. 286.

⁷⁹ Вся раннесредневековая белоглиняная поливная керамика датируется в Херсоне по стратиграфической ситуации нахождения, сопровождающему археологическому материалу и монетам суммарно второй половиной IX—X в. Однако технологический и стилистический анализ этой керамики и сопоставление ее с поливной керамикой из Константинополя (R. Steveson. The Pottery. The Great Palace of the Byzantine Emperors. Oxford, 1947) и Коринфа [Ch. Morgan. The byzantine pottery. — «Corinth», vol. II. Cambridge (Mass.), 1942] позволяют, в известной мере, уточнить датировку некоторых групп сосудов, а тем самым определить время их ввоза. При этом выявляется следующее. Розовоглиняной поливной керамики с украшением врезной линией конца VIII—первой половины IX в. в Херсоне нет. Во второй половине IX и начале X в. ввозились в небольшом количестве (судя по незначительному числу находок) сосуды врезной, лепестковидной и первой хронологической серии штампованной техники. Основная масса находок поливной керамики приходится на время ближе к середине и второй половине X в. — это сосуды не орнаментированные, сосуды второй и третьей хронологической серии штампованной техники и керамика, украшенная полихромной и зелено-коричневой росписью.

⁸⁰ Изданы: G. Schlumberger. Op. cit., p. 235—238; В. Н. Юргевич. Две византийских печати, найденные в Херсоне в 1894 г. — ЗООИД, XIV, 1886, стр. 124; его же. Свинцовые печати. принадлежащие музею общества. — ЗООИД, XV, 1889, стр. 41—46; его же. Сообщение о византийских печатях. — ЗООИД, XXI, 1898, стр. 39—41; И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 28—43; Н. П. Лихачев.

живается тем обстоятельством, что некоторые коммерции имели чин протоспафария (т. е. тот же, что и стратеги Херсонской фемы) — один из высших бюрократических чинов.

Следует подчеркнуть, что торговля Херсона носила активный характер. Как сообщает Константин Багрянородный, херсонские купцы ездили в Киев, херсонские суда с грузами совершали регулярные рейсы в Константинополь и все порты Южного Причерноморья⁸¹.

Многочисленные факты свидетельствуют, что широкий размах и интенсивность экономических связей Херсона в немалой степени стимулировались его политической значимостью в этот период. Однако вопросы политической истории Херсона, в частности, его важнейшей роли в IX—X вв. как опоры византийского влияния в Северном Причерноморье уже достаточно подробно освещены в литературе и на этом предмете нет нужды останавливаться⁸².

Таким образом, развитое ремесло, сравнительно высокая для того времени степень разделения труда, обширные торговые связи и, наконец, не прекращавшееся в течение всего периода интенсивное денежное обращение — все это свидетельствует, что в Херсоне конца IX—X в. имело место не товарное обращение излишков, а изготовление основной части ремесленной продукции для продажи на рынок.

Все имеющиеся факты рисуют достаточно выразительную картину мощного подъема экономики Херсона в X в., характеризую его как важнейший торговый и ремесленный центр, который, наряду с другими византийскими городами этого времени, представлял собой «факт концентрации населения, орудий производства, капитала, потребностей и способов их удовлетворения»⁸³.

Причины, обусловившие подъем Херсона со второй половины IX в., пока не поддаются отчетливому выяснению. Имеющиеся в настоящее время в распоряжении исследователей факты позволяют, однако, выявить два основных направления, по которым должно идти изучение этого вопроса. Первое направление исследования определяется наличием хронологического совпадения между подъемом Херсона и экономическим оживлением в Юго-Западной Таврике в эту же пору⁸⁴. Совпадение это едва ли было случайным. Ведь уже самое начало подъема экономики Херсона в конце VIII—IX в. было связано, как отмечалось выше, с приходом сюда значительного количества пришлого населения из близлежащих областей. Связь между этими явлениями может быть понята лишь из выяснения закономерностей социально-экономического развития Юго-Западной Таврики, изучение которого только начато⁸⁵.

Датированные византийские печати. — ИРАИМК, III, 1924, стр. 159—161; А. Ф. В и ш н я к о в а. Ук. соч., стр. 121—133.

⁸¹ Const. Porphyg., De adm. imp., cap. 53, p. 286.

⁸² См., например, С. П. Ш е с т а к о в. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. — «Памятники христианского Херсонеса», вып. III, М., 1908, стр. 42—93; А. Л. Я к о б с о н. Византия в истории раннесредневековой Таврики; Д. Л. Т а л и с. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. — ВВ, XIV, 1958, стр. 108—115.

⁸³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 3, (2-е изд.), стр. 40.

⁸⁴ Как показывает хронология могильника Суук-Су, именно с IX в. возрождается жизнь в Горзувитах; в конце VIII в. строится монастырь с базиликой в Партените. В это же время возникает комплекс гончарных печей в Мисхоре. О несомненном экономическом подъеме Юго-Западной Таврики свидетельствует и термин «эмпорий», которым обозначаются в начале IX в. Партенит и Курасаиты. Ср. А. Л. Я к о б с о н. Византия в истории раннесредневековой Таврики, стр. 155.

⁸⁵ Некоторые соображения по этому поводу высказал Е. В. Веймарн («Пещерные города Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг.» — СА, 1958, № 1, стр. 71—80). Однако для обоснования его взглядов необходимо широкое археологическое изучение городищ, поселений, могильников Юго-Западной Таврики.

Второе направление исследования обусловлено тем обстоятельством, что как раз в первой половине IX в. начинают усиливаться, как сказано, экономические связи между Херсоном и Малой Азией, что явилось выражением возросшего значения понтийской торговли для Византии. Повышенный интерес правительства к Понту нашел свое отражение в таких фактах, как превращение Амастриды в митрополию, повышение в ранге округа Пафлагонии, ставшего самостоятельной фемой (выделенной из фемы Буккелариев)⁸⁶, а также учреждение Херсонской фемы.

Следует, однако, заметить, что между учреждением Херсонской фемы и началом выпуска городом собственной монеты прошло свыше 30 лет. Отсюда ясно, что хотя такое событие, как учреждение фемы, связанное с резко возросшей ролью Херсона в политических планах Византии в Северном Причерноморье, и не должно ни в малейшей степени недооцениваться при определении причин подъема Херсона, основное внимание следует уделить изучению тех факторов, которые обусловили изменение экономической конъюнктуры в бассейне Черного моря в конце VIII—IX в. Иными словами, определение этих причин теснейшим образом связано с выяснением судеб остальных понтийских городов в рассматриваемое время. А это вопрос, еще не нашедший окончательного решения.

Десятый век явился апогеем экономического развития Херсона в эпоху средневековья; в конце этого столетия Херсон, оказавшийся в сфере борьбы двух мощных государств — Византии и Руси, был сильно разрушен при взятии его Владимиром в 989 г.⁸⁷ От этого потрясения город долго, по меньшей мере в течение 70 лет, не мог оправиться. Правда, во второй половине XI в. Херсон в какой-то степени отстраивается, в XII и особенно в XIII в. возрождается к жизни его ремесло, отчасти торговля, но все это в неизмеримо меньших масштабах.

⁸⁶ См. Е. Э. Л и п ш и ц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. — ВВ, VI, 1953, стр. 117.

⁸⁷ Подробнее см. Д. Л. Т а л и с. Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. Там же приведена литература.